

Правовые проблемы, связанные с заключением договоров в цифровой среде (сети Интернет) и способы их минимизации

В. С. Харьков

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: renovatio6373@yandex.ru

Legal Problems Related to the Conclusion of Contracts in the Digital Environment and Ways to Minimize Them

V. S Kharkov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: renovatio6373@yandex.ru

Поступила 10.10.2025 Принята к печати 26.10.2025

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовых проблем, возникающих при заключении гражданско-правовых договоров в цифровой среде, и разработке правовых средств их минимизации. Современные способы обмена волеизъявлениями в цифровом пространстве отличаются отсутствием единого юридического стандарта. Предметом исследования выступают особенности формирования, выражения и фиксации волеизъявления сторон при заключении цифровых сделок, их квалификация, доказательственная сила электронных документов и механизмы распределения рисков. Методологическую основу составилиialectический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и логико-дедуктивный методы, позволившие рассмотреть цифровой договор как интеграцию правовых и технологических процессов. В ходе анализа выявлены основные противоречия между принципом автономии воли и автоматизированным характером заключения договоров, а также между технической скоростью их исполнения и необходимостью правовой гарантии достоверности. Научная новизна выражается в обосновании концепции презумпции достоверности цифровых доказательств при использовании сертифицированных платформ и формулировании принципа цифрового равенства сторон, обеспечивающего защиту интересов участника, не контролирующего архитектуру платформы. В выводах подчеркивается необходимость системного сочетания правовых и технологических инструментов для создания устойчивого режима цифрового гражданско-правового оборота и укрепления доверия к электронным сделкам.

Ключевые слова: договор, цифровая среда, электронная форма, волеизъявление, доказательства, достоверность, цифровая подпись, идентификация, сертифицированная платформа, риски, цифровой форс-мажор.

Abstract

The article is devoted to the study of legal problems arising in the conclusion of civil-law contracts in the digital environment and to the development of legal means for their minimization. Modern methods of exchanging declarations of intent in digital space are characterized by the absence of a unified legal standard. The subject of the research includes the features of forming, expressing, and recording the will of the parties when concluding digital transactions, their legal qualification, the evidentiary force of electronic documents, and the mechanisms for allocating risks. The methodological basis comprises dialectical, formal-legal, comparative-legal, system-structural, and logical-deductive methods, which made it possible to view the digital contract as an integration of legal and technological processes. The analysis reveals key contradictions between the principle of autonomy of will and the automated nature of contract conclusion, as well as between the technical speed of performance and the need for legal guarantees of authenticity. The scientific novelty lies in the substantiation of the concept of a presumption of authenticity of digital evidence when using certified platforms and in the formulation of the principle of digital equality of the parties, which ensures the protection of participants who do not control the platform's architecture. The conclusions emphasize the necessity of systematically combining legal and

technological instruments to establish a stable regime of digital civil turnover and to strengthen trust in electronic transactions.

Keywords: contract, digital environment, electronic form, declaration of intent, evidence, authenticity, digital signature, identification, certified platform, risks, digital force majeure.

Цифровизация стала определяющим направлением трансформации гражданского оборота, радикально изменив представления о способах установления и реализации частноправовых связей. Распространение дистанционных форм взаимодействия субъектов хозяйственного оборота, использование электронных платформ, сервисов и маркетплейсов привело к формированию особого сегмента договорных отношений, осуществляемых преимущественно в виртуальной среде. При этом правовая природа таких соглашений остается предметом научной дискуссии, поскольку их форма и механизм заключения выходят за рамки классических конструкций обязательственного права.

Несмотря на внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) изменения, направленные на признание юридической силы электронных сделок, многие вопросы их квалификации, доказательственной достоверности и правового обеспечения остаются нерешенными. Договоры в современном мире служат для обеспечения динамики гражданских правоотношений. Они опосредуют гражданский оборот и представляют собой самостоятельный институт гражданского права.

Участник цифрового договора часто не взаимодействует напрямую с контрагентом, а вступает в коммуникацию с алгоритмом или интерфейсом платформы. Возникает необходимость разграничить волю субъекта и действие программного кода, определить, в какой мере автоматизированные операции могут считаться юридически значимыми. Цифровая среда формирует и новый уровень правовых рисков: от подмены личности и манипулирования условиями до несанкционированного доступа и утраты доказательственной информации. В этих условиях поиск способов минимизации правовой неопределенности и выработка универсальных гарантий достоверности цифровых соглашений становится необходимым элементом развития современного гражданского права.

Переход к цифровым формам гражданского оборота обусловил переосмысление традиционных представлений о договоре как правовом средстве оформления согласованной воли сто-

рон. Если в классической теории договор выступал как акт взаимного волеизъявления, совершаемый в устной или письменной форме [6], то в условиях цифровизации он приобретает черты технологически опосредованного действия, в котором процесс выражения и фиксации воли реализуется посредством информационно-коммуникационных технологий. Договор в цифровой среде становится результатом не только юридического, но и программного взаимодействия, где технические процедуры – регистрация, аутентификация, подтверждение согласия – приобретают правовое значение. В сфере деловой переписки неясным остается вопрос обмена документами между двумя субъектами права, если такие документы не заверены электронной подписью.

Юридическая природа договора, заключенного с использованием электронных средств, определяется общими положениями ГК РФ о сделках (ст. 153, 160, 434). Электронная форма признается разновидностью письменной, если обеспечивает идентификацию лица, выразившего волю, и возможность воспроизведения содержания соглашения. Следовательно, в цифровом договоре существенным становится не способ передачи информации, а гарантированность достоверности ее происхождения и неизменности [4. – С. 33].

Волеизъявление в цифровом пространстве имеет сложную структуру, включающую этапы создания, отправки, фиксации и обработки данных. Каждый из них может осуществляться автоматически, что ставит вопрос о соотношении технических действий и осознанного волевого поведения субъекта. Юридическая значимость таких действий возникает лишь при наличии предварительного намерения стороны вступить в обязательство, выраженного через использование электронных средств. В этой связи воля лица может опосредоваться программным кодом, но не подменяться им. Иначе говоря, алгоритм может реализовывать заранее определенную волю, но не формировать ее самостоятельно [1. – С. 44].

Особенность цифровых договоров заключается в изменении традиционного понимания момента их заключения. При обмене электронными сообщениями или акцепте посредством интер-

файса сайта согласие нередко выражается автоматически – путем нажатия кнопки, активации учетной записи, ввода кода подтверждения. С точки зрения права такие действия равнозначны акцепту оферты, если позволяют однозначно установить факт волеизъявления и его адресата. Изображение документа (договора) на экране монитора ничем принципиально не отличается от бумажного документа. Однако отсутствие единых процедур фиксации создает риски неопределенности, особенно в случаях, когда электронная коммуникация не сопровождается квалифицированной подписью или подтверждением времени.

Значимым теоретическим вопросом остается предел диспозитивности в цифровой среде. Принцип свободы договора сохраняет действие, но его реализация приобретает иной характер: условия формируются заранее платформой или оператором системы, а воля пользователя выражается через присоединение к ним. Таким образом, автономия воли сужается технической архитектурой взаимодействия, что требует переосмысления понятий равенства сторон и добровольности поведения. Юридическое значение приобретает не только содержание соглашения, но и способ его формирования – степень осведомленности стороны, прозрачность условий и возможность отказа от участия [9. – С. 45].

В теоретико-правовом плане цифровая форма договора демонстрирует синтез правовых и технологических категорий. Она опирается на нормы гражданского права, но одновременно функционирует в логике информационных систем, где исполнение и контроль осуществляются автоматически. Это создает предпосылки для появления новых разновидностей сделок – самоисполняющихся, заключаемых и реализуемых без непосредственного участия человека. Их существование не отменяет базовых принципов договорного права, но расширяет сферу его действия.

Расширение сферы использования электронных инструментов при заключении гражданско-правовых договоров обнажило многочисленные проблемы их юридической квалификации. Прежде всего затруднительно установить, соответствует ли соглашение, заключенное посредством интерфейса веб-платформы или мобильного приложения, признакам договора в смысле статьи 420 ГК РФ. Отсутствие единого документа, содержащего подписи сторон, порождает сомнения в соблюдении письменной формы и в достоверности волеизъявления. В подобных случаях

требуется доказать, что действия пользователя, выраженные через технический интерфейс, отражают согласие с предложенными условиями и направлены на установление гражданских прав и обязанностей [2. – С. 73].

Проблема действительности цифровых договоров тесно связана с вопросом о допустимости замещения традиционного письменного выражения воли техническим кодом. Программный механизм фиксирует согласие, но не обеспечивает понимание содержания условий и осознание правовых последствий. Алгоритм действует автоматически, а следовательно, лишен способности оценивать юридическое значение выполняемых операций. При этом лицо, использующее цифровую систему, нередко не осознает, в какой момент его действия приобретают юридическую силу.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о форме и содержании оферты и акцепта в цифровой среде. Для интернет-договоров характерно применение типовых пользовательских соглашений, публичных оферт, автоматизированных процедур акцепта. Однако юридическая природа таких действий не всегда очевидна: предложение может быть адресовано неопределенному кругу лиц, а согласие выражено без возможности изменить условия. Возникает ситуация, при которой договор формально заключен, но волевая основа соглашения фактически отсутствует.

Немало затруднений вызывает квалификация смешанных и комплексных цифровых договоров, сочетающих элементы купли-продажи, оказания услуг, лицензионного соглашения, предоставления доступа к информационным ресурсам. Юридическая природа таких соглашений не укладывается в рамки поименованных договоров, что требует применения аналогии закона и выработки доктринальных подходов к их классификации. В отсутствие прямого регулирования правоприменительная практика использует положения о возмездном оказании услуг либо о лицензионных договорах, однако подобное решение не отражает особенностей цифровой сделки, где предметом выступают не материальные объекты, а данные, доступ к ним или функциональные возможности программных средств [5. – С. 12].

Сложность правовой квалификации усугубляется вопросом о действительности договора при технических сбоях и ошибках алгоритма. Автоматизированная система может исполнить обязательство неверно или преждевременно, не имея возможности скорректировать действие в соот-

ветствии с волей стороны. В таких случаях неясно, следует ли считать договор исполненным или подлежащим расторжению, а также кто несет риск последствий – пользователь, разработчик платформы или оператор системы. Отсутствие правовой конструкции «цифрового форс-мажора» создает лакуну, не позволяющую оценить юридическую силу договоров, заключенных и исполненных в условиях технологической неопределенности.

Основная трудность заключается в том, что электронные данные не обладают физической материальностью, а потому не позволяют напрямую удостоверить их происхождение, неизменность и подлинность. В условиях цифрового обмена сообщение может быть создано, передано, изменено и удалено без внешних следов [8. – С. 70].

Для договоров, заключаемых в цифровой среде, значение доказательственной достоверности приобретает ключевой характер, поскольку именно от нее зависит признание юридической силы сделки. При отсутствии традиционного документа с подписью сторон суд вынужден оценивать совокупность электронных следов – время входа в систему, IP-адрес, идентификаторы пользователя, данные об оплате, подтверждения в интерфейсе платформы. Эти сведения формально указывают на участие лица в сделке, но не всегда гарантируют, что действия совершены им лично и осознанно. Отсюда следует необходимость нормативного закрепления единых критериев допустимости и достаточности электронных доказательств при установлении факта заключения договора.

Однако на практике применение электронной подписи остается ограниченным из-за сложности технических процедур, высокой стоимости сертификатов и отсутствия доверительных сервисов в массовых сегментах гражданского оборота [7. – С. 112]. В результате стороны предпочитают использовать упрощенные формы подтверждения согласия – галочки, одноразовые коды, автоматические уведомления, которые не обеспечивают эквивалент письменной формы в полном смысле [3. – С. 30].

Электронные метки времени, хеш-суммы и блокчейн-записи позволяют установить неизменность файла и последовательность действий сторон.

Сложность доказательства волеизъявления в цифровой среде усугубляется тем, что большая часть договоров заключается в автоматическом режиме, без прямого контакта между сторонами. При доказывании сделки стороны могут ссылаться-

ся как на сам электронный документ с электронной подписью, так и на содержащуюся в электронном обмене данными информацию. В таких ситуациях единственным источником сведений о содержании и порядке исполнения сделки остаются лог-файлы и записи в информационных системах оператора платформы. Эти данные формируются и хранятся частными субъектами, что создает риск их одностороннего изменения и нарушения принципа равенства сторон. Для устранения подобной зависимости требуется правовое регулирование статуса информационного посредника как нейтрального хранителя доказательственной информации, аналогичного нотариусу или оператору доверенной среды.

Для преодоления указанной неопределенности целесообразно закрепить презумпцию достоверности цифровых доказательств, сформированных в рамках сертифицированных платформ, деятельность которых регулируется в соответствии с установленными государственными или аккредитованными техническими стандартами. Такая презумпция должна означать, что любые данные – протоколы входа в систему, электронные уведомления, временные метки, записи об оплате – считаются подлинными, если они получены из доверенной цифровой среды, обеспечивающей неизменность и верификацию сведений.

Введение подобной конструкции позволило бы разграничить две группы электронных доказательств:

1) доказательства из доверенных систем, которым придается презумпция достоверности и которые не требуют дополнительного подтверждения, кроме представления сертификата подлинности;

2) доказательства из несертифицированных источников, оцениваемые судом по общим правилам и требующие подтверждения средствами экспертизы или свидетельскими показаниями.

Юридическое значение презумпции достоверности заключается в перераспределении бремени доказывания: сторона, оспаривающая достоверность данных, обязана представить доказательства их искажения или несанкционированного изменения. Тем самым обеспечивается равновесие между требованиями процессуальной экономии и защитой прав участников цифрового оборота.

Сертифицированные платформы при этом должны выполнять функции доверенного посредника, обеспечивающего хранение и защиту доказательственных данных. Их деятельность

предполагает использование квалифицированных электронных подписей, криптографической фиксации времени, систем аудита изменений и регулярной проверки программного обеспечения. Такая инфраструктура создает предпосылки для выработки единого стандарта доказательственной достоверности, аналогичного нотариальному подтверждению бумажных документов.

Предлагаемая модель не требует радикального изменения действующего гражданского законодательства, а лишь конкретизирует положения статей 160 и 434 ГК РФ применительно к цифровой среде.

Заключение договоров в цифровой среде сопровождается возникновением комплекса новых рисков, не характерных для традиционного гражданского оборота. Для частного права такая ситуация означает изменение самой природы юридической ответственности, поскольку причинно-следственная связь между действием стороны и наступившими последствиями становится опосредованной технологической инфраструктурой.

К числу основных рисков относится утрата достоверности волеизъявления. Электронная идентификация субъекта не всегда гарантирует, что именно он совершил юридически значимое действие. Использование одноразовых паролей, биометрических данных или простых логинов не обеспечивает доказуемость факта участия в сделке. Для минимизации этого риска необходимо внедрение многоуровневой системы идентификации, включающей квалифицированную подпись, подтверждение личности через государственные или банковские сервисы, а также обязательное хранение протоколов входа и фиксации времени.

Другим существенным риском является техническая уязвимость цифровой платформы. Ошибки программного кода, сбои при передаче данных, кибератаки способны изменить условия договора или нарушить его исполнение без участия сторон. Существующие нормы гражданского права не учитывают специфику таких обстоятельств, поэтому при возникновении спора неясно, следует ли квалифицировать их как форс-мажор или как нарушение обязательства. Для устранения неопределенности предлагается ввести в правовую доктрину и законодательство категорию «цифрового форс-мажора», под которым следует понимать технические события, не зависящие от воли сторон, но влияющие на возможность заключения или исполнения договора.

Признание этого института позволит разграничить ответственность между участником сделки и оператором цифровой инфраструктуры.

Значительную угрозу представляет асимметрия правового положения сторон. Пользователь, присоединяющийся к условиям платформы, фактически не имеет возможности изменить их содержание, что ограничивает реализацию принципа свободы договора. С технической стороны такая асимметрия выражается в невозможности проверки кода и алгоритмов, управляющих исполнением обязательств.

Для преодоления данного дисбаланса целесообразно закрепить принцип цифрового равенства сторон, предполагающий, что лицо, не контролирующее архитектуру платформы, признается слабой стороной договора и пользуется дополнительными гарантиями защиты. К ним могут относиться право на получение разъяснений условий сделки, доступ к информации о механизме ее исполнения, возможность одностороннего отказа при обнаружении скрытых условий.

Среди организационно-правовых способов минимизации рисков особое место занимает сертификация цифровых платформ. Она должна включать не только технический аудит безопасности, но и правовую экспертизу соответствия алгоритмов требованиям гражданского законодательства. Сертифицированная платформа выступает гарантом неизменности условий договора, корректности фиксации действий сторон и сохранности доказательственной информации. В совокупности с презумпцией достоверности данных (ранее предложенной) такая мера формирует систему юридически значимого доверия в цифровом обороте.

Стороны должны быть вправе предусмотреть в соглашении специальные положения, определяющие ответственность за технические сбои, порядок восстановления данных, способы уведомления о сбое исполнения, а также условия аннулирования сделки в случае системной ошибки. Применение гибких договорных конструкций позволяет согласовать интересы сторон без избыточного вмешательства государства, сохраняя диспозитивный характер частноправового регулирования.

Таким образом, минимизация правовых рисков при заключении цифровых договоров требует сочетания трех уровней регулирования: нормативного, обеспечивающего общие гарантии юридической определенности; технологического, направленного на защиту целостности и досто-

верности данных; и договорного, предоставляющего участникам возможность адаптировать условия взаимодействия под конкретные обстоятельства. Происходящие процессы в сфере электронной коммерции, электронного документооборота, в том числе переход к заключению договоров в дистанционной форме, свидетельствуют о том, что данная форма фиксации договорных отношений в дальнейшем все в большем масштабе повсеместно будет применяться сторонами на практике вместо простой «рукописной» формы.

В результате можно сделать вывод, что развитие цифровых технологий привело к формированию новой правовой реальности, в которой договор перестает быть исключительно текстовым выражением взаимных волеизъявлений сторон. Он превращается в результат сложного взаимодействия юридических и технических процессов, опосредованных программным кодом, алгоритмами и цифровыми идентификаторами. Современное российское законодательство заложило основы правового регулирования цифровых сделок, однако оно сохраняет фрагментарный характер и не охватывает всех аспектов функцио-

нирования этих сделок. Проблемы квалификации цифровых договоров, неопределенность момента их заключения, отсутствие единых критериев достоверности электронных доказательств и механизмов распределения рисков препятствуют становлению устойчивого гражданского оборота в цифровой среде. Решение указанных проблем возможно через последовательную интеграцию юридических и технологических инструментов. К числу таких направлений относится формирование презумпции достоверности цифровых доказательств, применимой к данным, сформированным в рамках сертифицированных платформ, обеспечивающих идентификацию сторон и неизменность информации.

Не менее важным представляется закрепление принципа цифрового равенства сторон, обеспечивающего баланс между участником, контролирующим техническую инфраструктуру, и пользователем, действующим в пределах навязанных условий. Введение этого принципа позволит компенсировать структурное неравенство участников и восстановить диспозитивное начало гражданско-правовых отношений.

Список литературы

1. Адельшин Р. Н. Правовое положение участников сделок и структура обязательства в цифровой среде // LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. – М. : ООО «Проспект», 2023. С. 42–54.
2. Адельшин Р. Н. Предпосылки формирования модели правового регулирования обязательства в цифровой среде // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : в 3 т. – Т. 1. – М. : РГ-Пресс, 2022. – С. 70–79.
3. Анферова О. А., Арутюнян Р. Э. Формирование института цифровых продуктов как объекта гражданского права. Смарт-контракты в России и за рубежом: правовое регулирование и перспективы развития. – М. : ООО «Проспект», 2025.
4. Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. – М. : ООО «Проспект», 2021.
5. Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П. Смарт-контракты в гражданском обороте. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2020.
6. Буравов И. С. Влияние цифровых технологий на заключение и исполнение договора продажи недвижимости // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Т. 9, ч. 2. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. С. 11–14.
7. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. – Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. – М. : ООО «Проспект», 2021.
8. Ворникова Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике : монография. – М. : Юстицинформ, 2024.
9. Пучков В. О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи: методологические, теоретические и прикладные проблемы. – М. : ООО «Проспект», 2020.